

Когда Империя объявила войну, а Легион атаковал, отец с дядюшкой Карштальем отправились на поле боя.

Вернется ли к ночи отец?

И будет ли с ним дядюшка Каршталь?

Малютка Лена, которая держала в руках свою любимую куклу, ожидала возвращения отца в просторном холле огромного поместья.

□

— Клод. Делай все, что говорят тебе мама и брат, ладно? Генри, позаботься о матери и Клоде.

— Ладно.

— Да, пап. Я позабочусь.

Клод махнул отцу, когда тот уходил на войну. Свободной рукой он обхватил запястье мамы — брат, стоявший рядом, также махал отцу на прощание.

□

Фронт откатывался назад со стремительной скоростью. Они посылали все больше и больше солдат, но ничто не останавливало продвижения автономных боевых дронов Империи, Легион.

— 1-я бронетанковая дивизия уничтожена. Этот Легион, чертовы монстры!..

— Мы не можем связаться с пехотным подразделением, что выдвинулись для нашего прикрытия... Уже разгромили их, скорее всего. Среди выживших — все из числа Колората, но они храбро сражаются за нашу страну.

Когда товарищ произнес это через стиснутые зубы, одна мысль промелькнула в голове у Каршталя.

«А-а. Неужели ты даже не понял, Вацлав?

Колората.

Ты уже проводишь различия между ними и Альба.»

□

Родители и старший брат смотрели по телевизору исключительно новости. Оставшись без любимых мультиков, Шин был недоволен. И драгоценный брат также не поиграет с ним. Но что тревожило его сильнее, так это их напряженные выражения лиц при просмотре новостей.

Он не знал, что происходит, но явно что-то нехорошее.

□

— Поступило уведомление об эвакуации ближе к границам. В общем, хм-м... Здесь опасно, и нам придется бежать. Нужно собрать вещи, возьми только самое важное. Сменную одежду и максимум одну игрушку. Самую твою любимую. Хорошо, Сео?

— Хорошо.

□

— Тору, мы уходим. Скажи «пока» морю и кораблю.

— Обязательно, дедуль.

Высунувшись из автобуса, используемый для эвакуации приграничных районов, Тору помахал рукой знакомому виду на море и кораблю дедушки. Все это время он думал, что, скорее всего, вернется через один-два дня.

□

По городу расклеено много плакатов. С каждым днем их становится все больше. Отец сказал ей, что через них сазывают солдат.

«Сегодня их еще больше», — подумала Анжу, шагая по улице и держа отца за руку.

□

По новостным репортажам показывали исключительно ухудшающуюся военную обстановку. Выпив кофе после завтрака, Альдрехт, когда убедился, что дочка не услышит, прошептал:

— Армия Республики проигрывает раз за разом.

Ему дрожащим голосом ответила жена:

— Что с нами будет дальше?.. А что со страной?..

□

Пожар войны был еще далек от второстепенной столицы, Шарите, и ее городов-спутников, но Кукумилы уже паковали вещи. Крена, стоя рядом с сестрой, которая помогала родителям наполнять чемоданы, чувствовала себя как перед предстоящей поездкой. Она бегала вокруг, танцевала и успела примерить свое самое красивое цельнокроеное платье и любимую шапку.

□

В школьном общежитии имелся лишь один телевизор, и находился он в столовой. Райден с тревогой смотрел непрерывающуюся новостную передачу, пока позади него стояла старушка, управлявшая школой. Райден не понимал, о чем именно говорят в новостях, но предположил, что о чем-то нехорошем. Поэтому он тревожно посмотрел на старушку.

Его родители, живущие далеко отсюда, все еще в порядке? А друзья?

— Бабуль...

Морщинистые руки опустились ему на плечи. Эти руки были больше, чем его собственные, эти руки принадлежали взрослому.

— Не волнуйся. Твой дом, твои мама с папой — в безопасности.

□

Голос дамы, рассказывавшей новости, стал мрачнее. В словах читалась злость и провокация, будто бы искались те, кого можно было обвинить в сложившейся ситуации.

Каждый день смотря новости, Шиден увлеклась горячими спорами. Кто виноват? В чем виноват? Она не знала почему, но ответ находился сам собой:

— Это вина Империи, вот чья! — простодушно заявляла Шиден

— Да! Это вина Империи! — наивно вторила ей младшая сестра.

□

Фронт продолжал отступать. В город, где проживали Кайе и ее семья, прибыли автофургоны с беженцами. Когда беженцы выходили из них, соседи наблюдали за этим с враждебностью. Не таких взглядов к своим соотечественникам ожидаешь увидеть. Словно они были неудобством. Чужаки.

Эти взгляды принадлежали людям, отчаянно нуждавшимся свалить на кого-либо свои тревогу и страх... и только что нашедших, на кого.

□

Предатели.

Именно это слово было на камне, что влетел в лампу на крыльце. Скорее всего, его кинул тот, кто знал, что семья Пенроуз когда-то считалась имперской знатью, а значит, сейчас они — потомки врага.

Укрывшись за дверью, Аннет смотрела, как отец убирал стекло с жестким выражением лица.

□

Перед Каршталем взгромоздился холм. Это трупы солдат их армии, сваленные друг на друга, точно мешки с песком. А ведь мешков для тел поставляли вовсе не так много, поэтому много времени не пройдет, прежде чем им придется оставлять останки павших солдат.

Обессиленный и неподвижный, один выживший прошептал:

— Почему мы?..

«Почему только мы?»

Все эти трупы принадлежали Альба с серебряными волосами и глазами. Не то чтобы Колората совсем не гибли, но соотношение их к Альбам с позиции общей популяции было чересчур однобоким. Поэтому погибших Альба больше. А вот если пройти по соотношению внутри каждой группы отдельно, то процент погибших Альба не особо отличался от процента погибших Колората.

Но вот же, холм прямо перед глазами — тут лежали только трупы Альба. И на какое поле боя ни зайдешь, принадлежать они будут всегда Альба, а не Колората.

Солдат опять зашептал. Решительно, но вместе с тем лихорадочно.

Это их вина. Они не помирают. Они убивают нас и, наверное, посмеиваются. Потомки Империи. Отпрыски тиранов. Они те, кто не одни из нас.

— ...Чертовы Колората.

□

Снаружи было необычайно шумно. Его мама отодвинула занавеску и посмотрела в окно, затем повернулась с бледным лицом.

— Дастин... Не смотри. Ни в коем случае, — сказала она.

□

Солдаты в той же форме, какую носил отец, по неизвестной причине ворвались в дом и уложили на пол Клода и маму. Отец Клода, вернувшийся тяжело раненым, пытался сдержать слезы, лившихся из покрасневших глаз.

— Генри! — отчаянно позвал Клод.

Тот отвел взгляд своих серебряных, как у брата и самого Клода, глаз.

□

Когда Каршталъ вернулся с поля боя, ему приказали сопровождать конвои Колората. Между миссиями Каршталъ неподвижно стоял перед статуей Святой Магнолии в армейском штабе.

Это она возглавила революцию триста лет назад, и это ее жители Республики бросили в тюрьму, где она и умерла.

Ведь она была не из простолюдинов.

С таким невинным видом сражалась против дискриминации, с таким благородством победила, а в простолюдины ее не записали. Они видели в ней одну из злобных, грубых угнетателей. Только за то, что она была принцессой ненавистного королевского дома.

Да. В конце концов для жителей Святая Магнолия — не более чем чужак, она не одна из них.